

Н. С.
ЛЕСКОВ

Избранное

Николай Семёнович Лесков
Повесть о богоугодном
дровоколе

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=175399

Николай Лесков

Повесть о богоугодном дровоколе

В очень отдаленные времена, в кипрских окрестностях была однажды ужасная и продолжительная засуха. Все плоды и полевые злаки погибли, и люди, видя неминуемое бедствие от угрожающего им голода, пришли в самое тягостное уныние. Все молились и просили дождя, но дождя не было.

Во главе тамошнего местного духовенства находился тогда епископ, человек, надо полагать, очень добрый, участливый и чистосердечный. Он принимал скорбь народа близко к своему сердцу и сам усердно молился, чтобы бог послал дождь на землю, но дождя все-таки не было. Раскаленное небо оставалось безоблачно и солнце сожигало без милосердия все, что осталось в несчастной стране еще несожженным.

Народ пришел в ужас, близкий к отчаянию. Где же еще искать спасения? На что еще уповать и надеяться, когда и моление епископа не помогает?

Кто же еще может помолиться лучше, чем епископ, и чья молитва может быть доходнее до бога? Епископ – разве это не первое лицо во всем духовенстве и разве кроме него есть кто-нибудь другой, кто бы лучше его знал, как надо умолить

бога дать людям то, чего они у него просят?

Тогда был к епископу «глас с неба»: «Иди после утрени ко вратам города и первого человека, который будет подходить к городу через те ворота, ты сейчас же удержи, и пусть он помолится, и тогда будет вам дождь».

Епископ рассказал людям о том, что он слышал «с неба», и все положили сойтись завтра утром рано в церковь, а оттуда идти к воротам смотреть того, кто подойдет, и сделать все так, как велел пришедший с неба голос.

На следующий день, отслужив рано утреню, епископ со всем своим клиром пошли к городским воротам.

С ними, разумеется, пошли и все люди, ожидавшие благодетельного чуда для их истомленной и жаждущей земли. Итак, все большим обществом вышли за городские ворота и стали здесь станом ожидать избранника, на которого сам бог укажет, как на лучшего молитвенника.

Люди раскинули посреди дороги складное стуло и посадили на него епископа, а клир и все прихожане стали вокруг его и начали смотреть вдаль: кого им пошлет господь? Все нетерпеливо желают скорее увидеть того человека, который помолится за них о дожде и будет услышан в своем молении?

И вот, долго или коротко после их томительного ожидания, вдали на опаленных полях что-то показалось...

Сначала невозможно было разобрать: идет ли это пеший человек, или кто-то на осле едет... Расстояние было дале-

кое, да и сверкание от палящего зноя делало в глазах мреяние... Но вот предмет приближается и становится яснее. Теперь уже видно, что это самый простой пеший человек и притом старый, изнеможенный простолюдин, весь согнутый и едва передвигающий свои ноги под большим и очень тяжелым оберемком сухого хвороста...

Так неужто вот это он и будет тот молитвенник, молитва которого взойдет к богу лучше, чем молитва целого клира и самого епископа?

Епископ и люди все переглянулись друг с другом и в недоумении пожали плечами. Удивительно, чтобы еле двигающийся под вязанкою дров мужик был всех лучше для вознесения богу молитвы об общественном бедствии? Но, однако, как никого другого, кроме этого старика, не показывалось, то выбирать было не из кого, и епископ решился остановить дровокола и просить его вознести к богу моление, о чем клир и епископ воссылали свои молитвы безуспешно.

А старик, кряхтя и спотыкаясь, все помаленьку подходил ближе к воротам города и, сколько зной и усталость ему позволяли, он тоже удивлялся: по какому случаю и для какой цели собралось у ворот необыкновенное множество людей и почему с ними впереди всех сидит на стуле сам кипрский епископ?!

Конечно, удрученный тяжелою ношею, старик не имел и самой отдаленной мысли, что все это большое собрание лю-

дей с епископом вышли затем, чтобы встретить именно его, согбенного нищего, и просить его молитв за весь край.

Подходит старик еще ближе и видит, что все на него смотрят и что сам епископ встает пред ним с своего места и ему, простому, бедному работнику, *кланяется*.

Старик оторопел, сбросил поскорее со спины на землю оберемок хворосту и говорит:

– Прости мя, отче! – и попросил у епископа благословения.

Но епископ опять *поклонился ему* и сказал:

– «Авво» (sic), Господа ради помолися о нас, да пошлет нам Господь свою милость и да будет сегодня дождь на земле.

Старик изумился тому, что слышит. К чему это статочно, чтобы его, ненаученного простого человека, епископ просил молиться? И он отвечал:

– Я недостойн, отче, чтобы в твоём присутствии слова молитвы восходили из моих уст. Это тебе, отче, всех более прилично помолиться об общем бедствии, ты и помолись, а я не смею.

Но старику стали говорить, что епископ уже молился, но что бог не исполнил его молитвы и не низвел дождя на землю. «А теперь, – говорят, – на тебя вышло указание епископу и ты не должен отказываться, а должен сейчас же стать и молиться».

Старик все еще и тогда не решался, и потому, чтобы преодолеть застенчивость этого дровокола, его «принуждением» поставили на колени на его хворост и заставили молиться.

Старик более не спорил, и как умел, так и начал молиться, а с неба сейчас же заросило и пошел благодатный дождь...

Все не знали, как довольно нарадоваться об этакой благодати, и не знали, как им и возблагодарить за нее бога и приятного ему молитвенника, которого «голос с неба» указал, как *наилучшего богомольца*.

А как только долгожданный дождь обильно оросил и досыта напоил жаждавшую землю и все в полях и в садах освежилось, то повеселело и на сердцах у людей и сейчас пошли прохладные беседы у каждого с ближним своим. Тогда наступило время и епископу поговорить с дровоколом, и он захотел узнать: какое житие проводит этот человек, который богу так угоден и приятен?

Епископ так прямо его об этом и спросил, но старик не умел сказать ему о себе ничего замечательного и епископу показалось, как будто он от него что-нибудь утаивает.

– Яви мне любовь, отче (sic), – стал его упрашивать епископ. – Я не для своего любопытства, а *ради пользы* многих людей прошу тебя: открой нам, чем ты так угодил Богу, что Он твою молитву лучше всех слушает и дает просимое по твоему молению.

А старец отвечает:

– Ей, отче, не ведаю.

– Ну, для того-то и расскажи нам, как ты живешь, – и мы все тебе поревнуем, чтобы стать такими же, как ты, чтобы и наши молитвы шли прямо в прием Богу. Не таи ничего, – скорее сказывай!

Тогда старик проговорил епископу:

– Поверь мне, господин, что я все бы вам с охотою рассказал, да в том дело, что мне, право, рассказать-то вам совсем нечего. Я самый обыкновенный грешник и провожу мою жизнь в ежедневной житейской суете и в хлопотах. Мне выпала такая доля, что даже и раздумать о богоугодных делах мне некогда, потому что я себе до старости ничего во всю жизнь не припас и теперь, уже слабый и немощный, не имею ни отдыха, ни покоя.

– Однако, в чем же проходит твоя жизнь?

– Да вот она в чем проходит: просыпаюсь я рано и выхожу из города и иду с топором в лес. Там я нарублю хороший оберемок валежнику, который всякому собирать дозволено, и тащу мою связку в город, как все вы сегодня видели, когда меня встретили у ворот.

– Ну, а далее?

– А далее, – в городе я продаю свой хворост на топливо, а за те деньги, которые выручу за хворост, покупаю себе хлеба и съедаю его.

– И другого у тебя занятия нет никакого?

– Нет никакого, отче.

– А где же твое жилище?

– Да вот жилища-то у меня тоже никакого нет и никогда не было. А когда я устану и мне надо отдохнуть или переночевать, то я залезу под церковь и там под полом свернуся и высплюсь.

Было это давно и в то время церкви были маленькие, деревянные и строили их на «стоянах» или, проще сказать, на столбиках, и под пол таких малых церквей можно было, согнувшись, входить и там прятаться от стужи и дождя. Такие церкви были и в России, да еще и по сие время встречаются кое-где в бедных местах на севере. Под полом их находят отдых овцы, телята и нищие.

– Ну, а когда холодно или если подымется такая непогода, что нельзя собирать дров, – спросил епископ, – что же ты тогда делаешь?

– А тогда я, хоть и день и два, все жду, сидя там же под церковным полом.

– А что же ты тогда кушаешь?

– Зачем же не трудясь кушать? я тогда поголодую, пока опять господь даст ведрышко, а когда станет хорошая погода, я благодарю господу, встаю и опять иду за хворостом. Вот тебе и вся моя жизнь.

От этого простого рассказа, – Пролог говорит, – «пользу приим не малу епископ с клиросом его. Тако и вси просла-

виша Бога о труде старче, и рекоша ему: воистину ты еси совершил Писание, глаголющее: яко рече пришлец есмь аз на земле».

Епископ взял этого собирателя хвороста к себе и «питал его, и дал ему покой, дондеже представися к Богу».